

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Автор: В. Б. ПАСТУХОВ

"Порвалась цепь великая,
Порвалась - расскочилась..."

Н. Некрасов

Человек, хоть немного знающий современную Россию, не может не отметить царящего в ней уныния. Пессимизм, скептицизм, апатия как будто бы стали частью национального характера. Порождаемые ими цинизм, распущенность и элементарная лень дополняют грустную картину. Изредка проявляющий себя на этом фоне остервенелый, истеричный патриотизм отдельных лиц и групп скорее пугает, чем дает надежду. Все вместе оставляет впечатление от России как от тяжело больного общества. В нем не верят не только в завтрашний день, но и в сегодняшний вечер.

Русское общество и государство в межкультурном пространстве

Психологический надлом, поразивший и элиту, и простой народ, - вот главная беда современной России, причина паралича, охватившего русское общество. Но удивительнее всего то, что ни в политике, ни в экономике нет достаточных и очевидных причин для возникновения такой патологической национальной депрессии. Впрочем, формальные причины у всех на устах. Знаменитая формула двух "Д" теперь трансформировалась в принцип двух "Б". Если раньше во всем были виноваты "дураки и дороги", то теперь - "*бедность и бюрократия*". Однако все не так просто.

Бедность теперь порок. В ней видят корень зла, а в ее преодолении, по мысли президента, может состоять национальная идея. Это - более чем спорный тезис. Пожалуй, не только в России, но и нигде в мире стремление к личному обогащению не было *созидающей* идеей. Как минимум, потому что обогатиться всегда проще за счет другого, чем благодаря собственному труду.

К тому же бедность - категория оценочная. Проблема, как всегда, в нюансах: кто беден, как беден и беден ли на самом деле... Во-первых, мы не просто бедны, мы "*относительно*" бедны. Бедны относительно 20 - 30 наиболее благополучных государств мира. По отношению к другим полутораста государствам мы очень богаты. Конечно, жизнь в России не сахар, и с Западом или Японией нам не тягаться. Но мы *всегда* были беднее их, но *никогда* не были так несчастны. Значит, дело не столько в бедности, сколько в

Пастухов Владимир Борисович - доктор политических наук, профессор Государственного университета - Высшей школы экономики.

жалости. Жалости к себе, в признании своей убогости, в желании примерить на себя чужой кафтан. Может быть, в этом больше виноват век информационных технологий, чем сама бедность. Чужое богатство бьет в глаза, развращает, подстегивает зависть, которая и так никогда не спит в русской крестьянской душе. А о том, что кафтан с чужого плеча - молчок. Мысль о связи между трудом и богатством в бедной голове, особенно русской, не рождается. Здесь экономика ни при чем.

Во-вторых, мы "абсолютно" *не* бедны. Потому что куда ни кинь взгляд в русскую историю, почти везде было хуже. Много ли богатства у сталинского колхозника? Чем жил некрасовский мужик? Много ли добра нажил петровский рекрут? Скромно жил народ, зубами вцепившийся в неблагодарную, неурожайную русскую почву, и само государство свое построивший как государство бедных. Были бы богаты, не тащили бы на себе несколько веков воз крепостничества, деньгами бы за все платили. И все это знают, все об этом пишут (кроме современных публицистов) - от С. Соловьева и В. Ключевского до Р. Пайпса и З. Бжезинского. Войны - вообще отдельная тема! А все же народ не чувствовал себя таким несчастным. Разве что в брежневские семидесятые жилось ему несколько сытнее, чем обычно. Но по иронии судьбы именно их сегодня больше всего и поминают лихим словом, кляня "застой".

В нашем упоении "свалившейся" на нас вдруг бедностью есть какая-то мистика.

То же и с *бюрократией*. Бюрократия для современного русского, что раньше черт для мужика. Все беды от нее. И действительно, душит русское чиновничество все живое вокруг себя, все перелопачивает, везде умудряется поиметь свою выгоду, и никакая реформа его не берет - только крепче становится. Но когда было иначе на Руси? До Петра? При Николае? При Сталине? Бюрократия всегда возвышалась над этой страной, как Олимп над Грецией. Единственное различие состоит в том, что, как правило, она была гораздо *сильнее, организованнее, монолитнее*, чем сегодня. При этом все, что можно назвать "капитальными вложениями" в экономику и культуру России, было создано в эпоху наивысшего расцвета этой бюрократии (сошлось на Ключевского). Значит, дело не в силе бюрократии, а напротив, в ее слабости. *Слабая бюрократия оказывается опаснее сильной.*

Таким образом, прямой связи между надломом в общественной психологии и состоянием русской экономики и политики нет. Но это значит только одно - искать его причины надо *за пределами экономики и политики.*

Мы видим, что давящая апатия и разочарование, потеря воли к труду, борьбе, сопротивлению лежат в основании охватившего страну кризиса. Мы знаем, что найти ключ к тайне этого "волевого шока" - значит разгадать загадку данного витка русской истории. Это возможно только при условии перехода к трехмерному видению России, созданию своего рода "3D-модели", в которой, наряду с экономическим и политическим, учитывается еще и культурный вектор. Плоское, двухмерное изображение русского общества не позволяет рассмотреть то, что оказывается за пределами "политэкономического" мира и поэтому воспринимается как проявление иррациональности русской жизни. *Но то, что выглядит иррациональным на плоскости, может оказаться вполне рациональным при объемном изображении.*

В реальной жизни культурные, экономические и политические отношения спутаны в единый клубок исторических причинно-следственных связей. Любое разделение этого единства на культурный, экономический и политический пласты достаточно условно и грубо. Однако за неимением других эффективных способов познания придется прибегнуть к такому "раздельному историческому питанию", принимая как неизбежное все его недостатки и ограничения.

Если рассматривать культурную, экономическую и политическую деятельность народа как факторы его исторической эволюции, то у каждого из этих факторов имеется свое особое предназначение. Культура определяет "коридор возможностей", те рамки, в которых вообще возможно развитие данного общества. Экономика формирует направление, в котором общество движется в рамках заданного культурой коридора. Политика определяет темпы этого движения.

Конечно, существует и обратная связь. Политика может загнать историю, как пьяный ковбой лошадь. Или, наоборот, запереть ее в стойле, где она умрет от ожирения и неподвижности. Экономика потеряет ориентиры и заставит историю двигаться по кругу. Тогда культура вместо "коридора возможностей" начнет загонять историю в угол. Но так или иначе, историческое движение всегда будет определяться значением этих трех величин, отмеренных по осям трех великих социальных координат. И, прежде, чем обозначить точку отсчета для современной русской истории, нужно определиться в отношении *каждой* из этих осей по отдельности.

Русская культура

Русская культура - один из многих островов в океане мировой культуры. Как и любому другому острову, ему присущ свой неповторимый ландшафт, и в то же время формируется он в соответствии с общими фундаментальными законами, определяющими рождение, эволюцию и смерть островов и материков этого океана.

Великий русский биолог Н. Вавилов сформулировал закон, значение которого выходит далеко за рамки мира живой природы. Он утверждал, что в эволюции растений, принадлежащих разным биологическим группам, можно проследить параллелизм, так называемые "гомологические ряды", когда разные по своей природе классы растений делятся на подклассы, виды и подвиды, подчиняясь какому-то общему принципу, и у соответствующих друг другу подклассов, видов и подвидов разных групп можно обнаружить проявление внешних сходных признаков.

По всей видимости, и *в развитии культур можно увидеть наличие "гомологических рядов"*, найти общие стадии и признаки в эволюции родственных, но при этом совершенно различных цивилизаций¹. Однако наличие таких стадий и признаков вовсе не означает, что одна культура следует по пятам другой, копируя ее исторический опыт. Это говорит только о том, что данные культуры родственны и развиваются параллельно, подчиняясь в то же время собственным законам эволюции и вырабатывая собственный алгоритм исторического движения.

Русская культура, безусловно, находится в родственных отношениях с европейской (западной) культурой, будучи связана с ней византийскими корнями². Параллелизм в развитии этих культур легко бросается в глаза. У русской истории есть своя греко-римская предыстория - Киевская Русь, свое Средневековье - Московское царство, свое Новое время - имперская Россия и своя постиндустриальная эпоха - советская цивилизация³.

Это сходство стадий исторического роста многих сбивало и до сих пор сбивает с толку, рождая мысль о вечном отставании России от Запада, которая в наше время обрела "интеллигентную" форму, воплотившись в теорию "догоняющего развития", яростно поддерживаемую первопроходцами-реформаторами. Самое порочное в этой теории вовсе не постулат, что Россия отстает от Запада (в определенном смысле это очевидный факт, в других отношениях - требует обсуждения), а мысль о том, что Россия должна превратиться в Запад. Это не так, ибо Россия следует своей исторической дорогой, а Запад - своей, пусть даже эти дороги периодически повторяют одни и те же изгибы, а на

¹ Термины "культура" и "цивилизация", если не оговорено особо, употребляются как синонимы, хотя для более детального анализа различие между ними может оказаться существенным.

² Это не делает менее значимыми ее связи и с другими культурами, параллели с развитием которых могут оказаться не менее существенными для постижения смысла русской истории в будущем.

³ В рамках настоящей статьи термин "постиндустриальный" применительно к советскому периоду употребляется в некоторой степени условно. Советский период охватывает как бы две эпохи: во-первых, это "деиндустриализация" (которая в чем-то так и осталась неоконченной); во-вторых, это собственно создание постиндустриального общества, которое характеризуется тем, что наука перестает быть чем-то внешним к производству, а превращается в его интегрированную часть. Создание в послевоенные годы многочисленных НПО как нельзя нагляднее характеризует эту тенденцию.

обочине встречаются похожие пейзажи⁴. Адекватно описать ход русской истории можно скорее в рамках концепции "параллельного", чем "догоняющего" развития.

С этой точки зрения Россия - очень молодая культура. Исторический путь, который Запад проделал за более чем два тысячелетия, она одолела за в два раза более короткий срок. Но у быстрого роста свои издержки. Акселераты, как правило, слабы. Ни на одной из стадий своего развития России не удавалось раскрыть заложенный в ней потенциал полностью. Неразрешенные противоречия она перетаскивала из одной эпохи в другую, захламывая свой исторический багаж. Из-за этого и сами границы между эпохами в русской истории нечетки, размыты, а вся русская история превращается сплошь в историю переходного общества, которому никак не удается принять законченную, устойчивую форму. Россия - вечный подросток мировой культуры.

Эта инфантильность русской истории оправдана, если принять во внимание условия, в которых она формировалась. Прежде всего укажу на то, что там, где на Западе были германские варвары, в России была Орда. И возможно, это даже более существенно для русской истории, чем различие двух ветвей христианства. Русская культура - продукт взаимного творчества славянского и монгольского элементов, русское государство в равной степени могут назвать своим и современные русские, и современные татары.

Если германские народы полили греко-римское поле кровью свежей и воинственной племенной демократии, чем на века обусловили опережающую роль гражданского общества в западной истории, то Орда несла уже в своей крови вирус восточной государственности. Завоевание Китая не прошло для монголов бесследно. В государственном строе, даже в менталитете Орды отразился дух древнейшей культуры Востока. Пролитившись на русскую землю, татарская кровь высадила восточный "государственнический вирус" на славянскую почву, где он и создал новую субкультуру. Не исключено, что благодаря этому только русским удалось создать единственное в своем роде по-настоящему независимое славянское государство, в то время как другие славянские народы были вынуждены довольствоваться в истории ролью чьих-то сателлитов.

Китайский экстракт, разбавленный монгольской воинственностью, компенсировал извечную славянскую неспособность к формированию государственности без посторонней помощи. Но с преимуществами пришлось усвоить и недостатки. Государство возвысилось навсегда над русским обществом и превратилось в главный фактор культурного развития. В русской культуре много противостественных сочленений. Одно из них - *соединение общества, тяготеющего к западному типу, с государственностью восточного типа.*

Параллелизм в культурном развитии России и Запада прослеживается не только в светской, но и в духовной жизни. Киевская Русь, несмотря на формальную христианизацию, оставалась преимущественно языческим обществом - предтечей будущего православного мира. Христианство становится по-настоящему значимой силой гораздо позже, с царствования Андрея Боголюбского, и по времени этот процесс совпадает с зарождением новой славяно-татарской государственности, нашедшей первое воплощение в Московском царстве. С этого момента православие стало таким же стержнем русской культуры, каким западное христианство было для западной культуры.

Впоследствии православие пережило свою схизму, создав "государственную церковь" и одновременно породив раскольников. Так же, как западное христианство выпестовало в своем лоне либерализм, православие породило на свет русский коммунизм, который поначалу, как и либерализм, был воинственно атеистическим, а затем стал возвращаться к осознанию своих религиозных корней. Единственное, чего мы не найдем в русской духовной истории, - это реформация. *Реформация так и осталась нереализованной исторической возможностью для России, и именно это сыграло в ее судьбе решающую и трагическую роль.*

⁴ Европа для России сегодня может оказаться тем же, чем арабы для Европы вчера. Опережать и влиять не всегда значит определять и подчинять.

Тот упадок веры, который мы сегодня наблюдаем, - не первый в русской истории. Нечто подобное Россия переживала и в эпоху Смутного времени, и в эпоху войн и революций начала XX в. И тогда религиозное чувство деградировало, а символы веры падали под натиском скептицизма. Но есть одно существенное различие. Раньше, когда старые символы веры вот-вот должны были рухнуть, новые уже были наготове, и после кровопролитного смятения народ отдавался во власть новой веры, исподволь выпестованной в недрах старого общества.

Мысль о самодержавии как о Богом данной власти, воплощающей в себе начала православного общества, вызрела задолго до раскола, и лишь при Романовых смогла стать, наконец, господствующей идеей русского мира. Большевизм зрел в недрах империи весь XIX в., прежде чем стать почти на столетие господствующим мировоззрением. Сейчас же мы наблюдаем только падение, а не взлет. На всем пространстве русской духовной жизни не просматривается ни одного течения, способного претендовать на звание нового символа веры. На этом пустыре должно было бы возвышаться здание *русского либерализма*. Но сейчас там лишь "зияющие высоты". Либеральная идея не справилась в России со своей миссией.

Когда сегодня под впечатлением удручающего опыта "демократизации" 1990-х гг. говорят, что в России нет и никогда не было никаких предпосылок для либерализма, это не совсем так. Либерализм подготавливался всей советской эпохой почти так же, как большевизм "отстаивался" в российском имперском пруду. Во-первых, уничтожив патриархальную основу сельской жизни и спровоцировав индустриализацию, коммунизм дал толчок или, как минимум, создал предпосылки для массового развития индивидуализма⁵. Во-вторых, после Второй мировой войны шло очевидное опосредованное усвоение советским обществом западных либеральных ценностей. Начав с диктатуры пролетариата, большевизм пришел к презумпции невинности, правовому государству, социалистическому правопорядку, хозрасчету и самокупаемости и другим "либеральным эвфемизмам". И в-третьих, что, пожалуй, важнее всего, у советской элиты стал к середине 1970-х гг. формироваться новый общественный идеал, и это был идеал *индивидуальной свободы*.

Возник феномен, который можно обозначить как "советский либерализм". К началу 1980-х гг. у него был уже необходимый запас прочности, чтобы влиять на развитие советской системы. Его оказалось достаточно, чтобы обеспечить победу революции 1990-х гг., но не хватило, чтобы ее защитить. Поражение русского либерализма советского образца обусловлено целым комплексом объективных и субъективных причин.

Объективно он был нежизнеспособен, слаб как искусственно зачатый ребенок. Если на Западе либерализм - итог эволюции западного христианства, его сублимация через реформацию в индустриальную эпоху, то в России роль реформации взял на себя коммунизм. Вряд ли такую замену можно признать полноценной. Поэтому "советский либерализм", помимо всех прочих своих особенностей, изначально не был религиозно заряжен тем иррациональным огнем веры, который на самом деле в скрытой форме присутствует в каждом постулате западного либерализма, объясняя в том числе и его непрекращающееся, агрессивное мессианство.

Вот где, наконец, "выстрелило" это различие исторических путей, не позволившее в свое время православию пережить свою *собственную* реформацию. На той исторической развилке, где был еще возможен выбор между христианским социализмом и большевизмом, Россия пошла напролом, и "философский пароход" с русскими религиозными мыслителями отбыл на Запад, чтобы стать там памятником "упущенной исторической возможности". Либерализм без реформации невозможен, независимо от того, на какой из ветвей христианства он развивается.

⁵ Другое дело, что это не был индивидуализм западного типа, в основании которого лежит западное христианство. Но очевидно, что и на японский или китайский патернализм отношения, зарождающиеся в недрах советского общества, тоже не были похожи.

"Проскочив" реформацию как этап в своем развитии, православие потеряло шанс непосредственно воплотить себя в русском либерализме. Между ними пролегал русский коммунизм, который забрал всю энергию на себя. В результате проклюнувшийся в конце концов либерализм оказался лишь жалкой тенью своего западного духовного собрата, не способной поддержать огонь в русских сердцах.

В довершении всех бед в дело вмешался пресловутый "*субъективный фактор*": попытка воплотить этот худосочный либерализм была предпринята с неуместным энтузиазмом, будто русское общество всегда только и ждало такой оказии. Собственные заблуждения играли в этом меньшую роль, чем отчасти корыстное, отчасти по незнанию давление Запада. Итогом стала быстрая и впечатляющая дискредитация либеральной идеи, выхолащивание ее содержания и формирование странной авторитарно-анархистской культуры с либеральным фасадом.

В результате после краткой вспышки социальной энергии начала 1990-х гг. в России произошел культурный коллапс. Не беда, что ушла вера в коммунизм, - она уже и так еле теплилась к тому времени. Беда, что вместе с ней исчезла *вера во что бы то ни было*. А вера - стержень культуры, даже тогда, когда это вера в отсутствие веры. Россия оказалась на рубеже XXI в. в культурной "гравитационной ловушке". Образовалось культурное поле с "нулевым зарядом". В этом поле "коридор возможностей" искривился и образовал замкнутый круг, по которому бегут люди в стремлении догнать "передовое человечество", не замечая, что вместо дорожки стадиона под ногами у них лента тренажера.

Сегодня русское политическое сознание породило миф о современной России как о переходном обществе. Он логично вписывается в концепцию "догоняющего развития". Это приятная иллюзия, предполагающая обязательный счастливый финал, ведь рано или поздно "переход" должен завершиться...

Боюсь, этим надеждам не суждено сбыться. Концепция "переходного общества" родилась под сильным западным влиянием в эпоху посткоммунистического романтизма. Однако, чтобы считать современное российское общество переходным, необходимо обладать большим самомнением. По определению переходное общество предполагает, как минимум, движение в соответствии с заданным вектором, наличие четко обозначенных исходной и конечной точек маршрута, внутреннюю позитивную динамику развития. Для России до сих пор так и не доказано наличие хотя бы одного из вышеперечисленных элементов. Все было взято на веру: и то, что "уходим" из тоталитаризма; и то, что "идем" к рынку и демократии; и то, что вообще куда-то идем. Вместо доказательств прилагался энтузиазм.

Теперь, глядя на прошедшие 20 лет "остынувшим", "лермонтовским" умом, мы "разуверяемся во всем". Тоталитаризм уже не кажется такой черной, безжизненной "исторической дырой", какой ее рисовали эмоционально переполненные ненавистью ко всему "советскому" демократы первой волны. И там, как на картинах передвижников, была "всюду жизнь", которую теперь надо тщательно анализировать, потому что именно эта жизнь, а не какие-то космические демократические лучи, породила реалии сегодняшнего дня, в том числе и энтузиастов-демократизаторов. Будущее выглядит тоже не безоблачным. Рынок и демократия оцениваются сегодня в контексте их соответствия русским культурным традициям, и только очень большой оптимист может отыскать в русской истории достаточно оснований для их полноценного воплощения в жизнь. В отношении исторического движения вообще выяснилось, что оно может осуществляться также по кругу...

Поэтому гораздо больше оснований назвать современное русское общество не "переходным", а "**промежуточным**". И не только потому, что это нас к меньшему обязывает, но и потому, что это более соответствует действительности.

В последние годы так много писали и говорили о цивилизациях и цивилизационном подходе, что сложилось впечатление, будто вне цивилизаций люди жить не могут. К сожалению, это не так. Конечно, как правило, цивилизации живут дольше людей. Но бы-

вает и так, что люди переживают свою цивилизацию. Именно такое "счастье" выпало нынешнему поколению россиян.

В истории многих культур несколько цивилизаций могут сменять поочередно друг друга, образуя огромные эпохи, нанизанные на единую нить исторического развития этих культур. В рамках европейской культуры несколько цивилизаций наследовали друг другу. Современный Китай покоится, как минимум, на трех цивилизационных пластах. Россия тоже стала колыбелью нескольких цивилизаций.

Однако, когда одна эпоха заканчивается, это вовсе не значит, что другая автоматически должна начаться сразу вслед за ней. Это еще нужно заслужить. Может случиться так, что новая эпоха и вовсе не наступит. А может быть и так, что само ожидание новой эпохи станет отдельной эпохой. Некоторые народы живут в таком ожидании веками...

На этих цивилизационных стыках и изломах люди продолжают существовать и организовывать свою "промежуточную" жизнь. По своей сути "промежуточное общество" - общество, существующее вне времени и пространства цивилизаций, которое в силу обстоятельств выпало из одного культурного (цивилизационного) поля и еще не оказалось под влиянием другого. Это конгломерат людей, объединенных общим культурным прошлым, но в настоящий момент не связанных между собой духовно. Это "популяция", живущая в жерле потухшего вулкана.

Если повезет, промежуточное общество может обзавестись более или менее устойчивой государственностью (если нет, оно погружается в длительную смуту и затем поглощается соседними обществами). Но эта государственность оказывается под стать породившему его обществу и представляет собой неоднородный конгломерат институтов и норм, не консолидированных общей идеей и не способных эффективно поддерживать общественную стабильность. Такая государственность обречена на то, чтобы время от времени проходить испытание на прочность под напором не подвластной ей социальной стихии.

Политические революции - **естественная составляющая** жизни промежуточных обществ, в том числе расплодившихся на всем постсоветском пространстве. Но все революции ("оранжевые", "голубые", "розовые" и прочие) бессильны изменить природу этих обществ. Поэтому сколько бы цветных бунтов ни сотрясало Украину, Грузию, Киргизию и далее по списку, включая Россию, дореволюционные бюрократии будут неизменно восставать "из праха", как только осядет революционная пыль. И так будет, пока тем или иным образом не завершится эпоха промежуточных обществ.

Промежуточное общество находится в состоянии постоянного движения, но это движение **не обеспечивает его развития**. Потому что простое движение может поддерживаться экономикой и политикой, а развитие должно обеспечиваться только культурой, которая в промежуточном обществе существует лишь как *видимость, как тень прошлого*. Лишь тогда, когда жизнь промежуточного общества накроет, наконец, циклон новой рождающейся цивилизации, оно вернет себе способность к развитию и прогрессу. Без "капитализации культуры" Россия будет продолжать оставаться политической белкой в мировом экономическом колесе. Чтобы соскочить с него, нужно прежде всего вытолкнуть русскую культуру из "черной дыры" межкультурного пространства.

Русская экономика

Экономика ведет себя в межкультурном пространстве приблизительно так же, как компас на полюсе - она теряет ориентиры.

Два факта в новейшей экономической истории России заслуживают равного пристального внимания. Во-первых, та легкость, с которой государственная собственность в течение нескольких лет была трансформирована в частную. Во-вторых, тот ступор в экономическом развитии страны, который наступил практически сразу после этой победы. Вслед за ошеломительными успехами гайдаровских реформ, когда одна за другой, как по мановению волшебной палочки, возникли новые формы экономических отношений между невесть откуда взявшимися "субъектами хозяйственной деятельности",

наступил глубокий застой, изредка прерываемый локальными боями за тот или иной нераспределенный ресурс. Согласитесь, не так рисовали перспективы внедрения частной собственности в русскую жизнь отцы-основатели демократических реформ.

Оба эти факта имеют *одно* объяснение - и легкость победы, и последовавший за ней застой были заложены и обусловлены тенденциями развития экономики СССР. Экономическая революция, заслугу осуществления которой сегодня приписывают себе все, кому не лень, - миф. Новые экономические отношения вызрели в недрах советской экономики, и заслуга реформаторов состоит лишь в том, что они сняли сухую кожуру со спелого ореха. Поэтому преобразования начались так легко. Беды же начались от того, что ослепленные самомнением реформаторы вместо того, чтобы обойтись с орехом бережно, употребив его по назначению, стали кропать его ножом, пытаясь придать ему форму, рекомендованную учебником по экономике американского университета.

Как ни парадоксально, но советскую экономику принято считать не более, чем парадоксом. И ее ярые критики, и ее наиболее преданные апологеты рассматривают советскую экономическую систему вне контекста общей истории экономического развития России. Мысль о том, что она может быть лишь небольшим отрезком одной большой дороги, идущей сквозь века русской истории, не приходит в голову ни тем, ни другим.

Что же мешает примирить советскую экономику с российской и в конечном счете - с мировой экономикой, вписать ее в мировой экономический контекст? Прежде всего полное непонимание природы государственной собственности в СССР. Критики советского режима стали жертвами советской же пропаганды. И сегодня никто не сомневается, что в СССР существовала *особая*, ни на что не похожая "социалистическая" собственность, являющаяся *антиподом капиталистической и вообще частной собственности*. На этом противопоставлении строится вся философия реформ, суть которой сводится к тому, чтобы как можно быстрее и полнее обеспечить преодоление "патологического отклонения" от экономической нормы.

В России возобладали примитивное, обывательское представление о собственности, сводящее все к простому обладанию. Для обывателя частная собственность во все времена неизменна. В реальности институт частной собственности развивается вместе с развитием общества, и даже Россия не исключение. Внешнее выражение права собственности сводится во все времена к римской триаде: владение, пользование, распоряжение. Но его проявление в каждую эпоху разное и определяется конкретно-историческим содержанием данного права. Изнутри же отношения собственности напоминают магический кристалл, в котором в концентрированном виде отражаются все другие общественные связи и отношения.

В каждом данном обществе в данное время люди по-разному владеют, по-разному пользуются и, безусловно, по-разному распоряжаются своим имуществом. Исторически отношения собственности постоянно усложняются, причем процесс этот происходит скачкообразно, через перерывы постепенности, создание качественно различающихся между собой типов частной собственности, как правило, привязанных к тому или иному способу производства.

Общепризнанной особенностью российской экономики досоветского периода была *многоукладность*. Суть ее состояла в том, что новые более сложные формы частной собственности в России появлялись не вместо старых, а рядом с ними. Собственно, такое положение вещей во многом соответствовало описанным выше особенностям развития русской культуры в целом с ее вечными полутонами и полурешениями.

Новые формы собственности с трудом отвоевывали себе экономическое пространство по углам, не занятым старыми формами. По их многообразию, как по кольцам на срезе дерева, можно было проследить логику эволюции экономики России. Ничего сверхъестественного в ней обнаружить не удастся. Развитие шло от более примитивных к более сложным формам собственности. Только на Западе старые формы преимущественно уходили в небытие под напором новых, а российская экономика в конце XIX в. напоминала музей под открытым небом, где по краям необъятного поля примитивной, патриархальной собственности неолитического земледельца ютились деланки помещи-

чьих латифундий и крестьянских хозяйств, заводи торгово-спекулятивного капитала и даже крохотные островки вполне современных (по тому времени) капиталистических хозяйств.

Значение многоукладности досоветской экономики и ее последующего преодоления не понято и не оценено по достоинству. Сегодня существует много спекуляций на тему России, "которую мы потеряли". Ссылаются на какие-то прогнозы, которые экстраполировали на всю Россию достижения в передовом секторе ее экономики и по которым выходило, что, не будь Октябрьского переворота, стать России великой экономической державой. При этом за основу берется механический расчет темпов роста, основанный на предположении о свободном развитии капиталистических форм собственности и замещении ими других архаичных форм.

Но суть как раз в том, что к началу XX в. дальнейший *свободный* рост капиталистической собственности в России был уже невозможен. Отношения внутри многоукладной экономики зашли в тупик. Капитализм в России освоил *всю* отведенную ему к тому времени обществом экономическую нишу и, не имея более пространства для роста, начал загнить, не развившись, как гибнет иногда эмбрион в утробе матери. С экономической точки зрения "октябрьская операция" была неизбежна, она должна была отсечь все выморочные формы собственности и высвободить место для ее современных форм. Спорить можно только о методах хирургического вмешательства. Однако вряд ли кто-то возьмется утверждать, что история оставляла тогда время для тщательного выбора хирурга и инструмента.

И здесь мы подходим к самому главному - к экономической сущности "социалистической" революции в России. Спустя столетие, имея уникальную возможность "судить по плодам", необходимо отделить, наконец, то, что революция о себе говорила, от того, что она реально сделала. Революция расчищала экономическое пространство для современных форм собственности, которые были и остаются в своих базовых параметрах до сих пор *капиталистическими*, то есть основанными на инвестировании *капиталов* в создание *предприятий*, основанных на использовании современных *технологий* с целью получения *прибыли*. Собственно, такая экономика, в конце концов, и возникла в СССР с одним существенным уточнением - *единственным* субъектом капиталистической деятельности в обществе стало *государство*. Советский "социализм" в экономическом смысле - это *государственный капитализм* с государством - монопольным инвестором и предпринимателем, управляющим корпорацией с брендом (торговой маркой) "СССР".

Тот, кто сумел поближе познакомиться с реальной организацией управления в крупнейших мировых транснациональных корпорациях (ТНК), не могут не отметить очевидного сходства между их внутрикорпоративной политикой и советской моделью управления, в том числе и в части гипертрофированного роста влияния внутрикорпоративной бюрократии; нацеленности системы на достижение формальных экономических показателей, зачастую в ущерб реальному делу; искусственного замедления процесса принятия решений в угоду личным амбициям и в других подобных деталях.

"Социалистическая" форма собственности на деле оказалась мифом, иллюзией, пропагандой. Октябрьская революция, какими бы лозунгами она не оперировала, в действительности дала толчок *развитию капитализма* в России, что постфактум доказывается осуществленной в стране *индустриализацией*. Она кровавым и бандитским способом решила проблему многоукладности российской экономики, уничтожив практически все архаичные уклады, и прежде всего вытоптав поле патриархальной земельной собственности, положив конец существованию русского неолитического крестьянства. Другой вопрос, чем она засеяла это поле?

Это был выморочный капитализм; капитализм без буржуазии, роль которой взяло на себя чиновничество; капитализм без крестьянства, превращенного в сельский пролетариат на государственных агрофирмах; капитализм без среднего класса, замещенного интеллигенцией. И тем не менее это было современное *капиталистическое предприятие*, оказавшееся способным меньше, чем за столетие, преобразить страну и создать

мощную промышленную базу. Эту задачу никогда не смог бы решить дореволюционный русский капитализм. И не потому, что он был плох, а потому, что для его развития не было места в российской экономике. Поэтому можно спорить о том, что Россия приобрела с революцией, но бесспорно то, что потеряла она не так много, как об этом сегодня пишут.

Система государственного капитализма в России проделала за почти 80 лет своего существования огромную эволюцию, в рамках которой отчетливо просматриваются две тенденции: к *загниванию* и к *перерождению*. Первая проявилась сразу же, как только система госкапитализма выполнила свою первичную историческую миссию уничтожения многоукладности экономики и индустриализации и перед ней вплотную встала задача перехода из режима "кризисного управления" в режим нормального "оперативного управления" экономикой⁶. Монополизм, который в условиях кризисного управления помогал добиваться невиданных в истории результатов, превратился в тормоз для развития. Организованная наподобие международного капиталистического синдиката советская экономика, не имея конкуренции на внутреннем рынке, была лишена даже тех минимальных стимулов к изменению, которые имеют сегодняшние ТНК. Восполнить этот недостаток идеологическими и политическими мерами оказалось практически невозможно.

Тенденция к перерождению проявилась практически одновременно с тенденцией к загниванию. Она затронула прежде всего "капитанов" советской экономики, которые все чаще стали преследовать свои частные (личные и ведомственные) интересы. Ведомственная разобщенность шла рука об руку с фактической приватизацией, в рамках которой советский менеджмент постоянно переходил ту тонкую черту, которая отделяет управление государственной собственностью от управления своей частной собственностью. И чем чаще ему напоминали о существовании этой грани, тем больше росло раздражение против режима, подготавливавшее будущий переворот. Бюрократия стремилась не только по своим функциям в обществе, но и по своему статусу, в том числе юридическому, стать буржуа (пока оставим вопрос о том, насколько она была готова к этой миссии духовно, по заложенному в ней культурному коду).

К концу 1970-х гг. советская экономика сама, без всякого постороннего вмешательства, только следуя логике собственной эволюции, созрела для "разгосударствления". С одной стороны, и это главное, она теряла темпы роста, с другой - развитие системы хозрасчета подходило к своему логическому концу, где за ленточкой финиша уже маячили очертания приватизации. Равновесие было столь неустойчивым, что любой внешний толчок мог спровоцировать качественное изменение. Поэтому не стоит преувеличивать роль "прорабов перестройки" в обеспечении успеха "предприятия". В то же время, в том, что здание российской экономики после начала "реформ" так перекошило, заслуга их немалая.

Все дело было в методах, а выбор методов зависел от адекватности оценок. Если "социалистическая собственность" - реальность, если эта реальность представляет собой экономическую патологию, то строительство капитализма нужно начинать с нуля, сопровождая этот процесс революционной ломкой старого экономического фундамента (что, собственно, и было сделано). Если "социалистическая собственность" - эвфемизм, используемый на практике для описания системы госкапитализма, то надо не строить, но реконструировать, а это работа более тонкая (те, у кого есть опыт "перестроек", могут подтвердить, что и более затратная). Здесь нужно не взламывать, а аккуратно разбирать кирпичи экономических конструкций, формируя новое экономическое пространство.

Не приватизация, а *демонополизация* экономики была в этой связи главной экономической проблемой. Нужно было найти способ воссоздать конкуренцию на внутреннем

⁶ По понятным причинам война несколько оттянула этот момент, сделав кризисное управление актуальным в течение еще как минимум двух десятилетий. Однако тем тяжелее были впоследствии издержки.

рынке, двигаясь от государственного капитализма к современному капитализму крупных публичных корпораций. Приватизация, конечно, в этом случае тоже могла иметь место, но не как основное средство, а как вспомогательное. Прежде всего она была призвана разгрузить государство от ответственности за функционирование потребительского рынка. Об ускоренной приватизации флагманов экономики, как раз и составлявших в России костяк капиталистического производства, не могло быть и речи. Здесь приватизация ничего не могла прибавить ни в практическом, ни в теоретическом плане. Управление современными ТНК - настолько сложный процесс, что лишь далекие от реальной экономики гарвардские консультанты и экономические обозреватели коммунистических журналов могли предположить, что для их эффективного функционирования необходим энтузиазм частного собственника. Каждый акционер начнет управлять современным капиталистическим предприятием приблизительно в то же время, когда каждая ленинская кухарка будет управлять государством. Приватизация могла быть полезна здесь лишь на более поздней стадии реформ как способ *привлечения инвестиций*. На деле она стала способом ограбления и разрушения советских капиталистических предприятий.

Была допущена исключительная в своей глупости ошибка. Поставив цель построить в России капитализм, "прорабы перестройки" первым делом уничтожили ту самую экономику, которая уже была по своей природе капиталистической. Вместо монополизации был проведен полномасштабный демонтаж. Свято место, как известно, пусто не бывает. И на месте пусть социалистической государственной, но капиталистической по сути экономики, возникла *другая* экономика, с *другой* природой, которую только очень большие оптимисты могут назвать капиталистической.

Фактически *бесплатная* приватизация отдала советскую экономику в руки тех, кто был готов к *присвоению* "социалистических" активов, но не был готов к *управлению* капиталистическим производством. В экономике России возобладал торговый капитал⁷, то есть по сути *докапиталистическая* форма хозяйствования. Стержнем экономической жизни стало не производство, а перепродажа активов, которые нужно получить в свое распоряжение на внутреннем рынке как можно дешевле, а продать на внешнем как можно дороже. Таким образом, не при коммунизме, а именно сейчас, впервые за многие столетия в эволюции российской экономики был сделан шаг не вперед, а назад к *докапиталистическим* формам организации экономической жизни, к торговому и авантюристическому (по выражению М. Вебера) капиталу. Поэтому нет ничего удивительного, что за такими реформами последовал экономический коллапс и застой.

Поразительно, что именно монополизация - ахиллесова пята советской экономики - пострадала меньше всего. Изменился только субъект монополистической деятельности. Раньше это был жестко иерархически организованный единый государственный трест, сегодня - своеобразный "консорциум основных пользователей национальными ресурсами", сложный конгломерат олигархических вертикально интегрированных отраслевых структур, связанных между собой горизонтально сложной системой зависимостей от остающегося в тени, но не ушедшего в сторону государства. Никаких новых стимулов экономического роста новая монополия по сравнению со старой не имеет, так как базируется на тех же принципах подавления конкуренции. Зато она значительно проигрывает ей в экономической культуре.

Единственный серьезно ощутимый эффект от массовой приватизации по-русски - полная потеря прозрачности экономики. Насилие, сопровождавшее все приватизационные процессы, впоследствии не исчезло и вошло в плоть и кровь вновь созданной системы. В результате из праха советской экономики возстал уже монополия не дряхлею-

⁷ Неважно, откуда он взялся. Был ли это по происхождению старый капитал цеховиков, или конвертированный в деньги административный ресурс, или западный кредит, по своим функциям это был торговый капитал.

щей советской бюрократии, а примитивного и дикого, *докапиталистического* торгового капитала - жадного, подозрительного, бандитского⁸.

Олигархическая монополия не способна к качественному росту и развитию. "Социалистический" застой сменяется воровским застоём. Советская экономика жила распределением, бандитская экономика живет перераспределением. Это перераспределение приобретает с каждым днем все более цивилизованные формы. Но форма не меняет сути: капитал, возникший в результате насильственного *захвата* чужого имущества, будет сохраняться и приумножаться при помощи такого же насильственного *захвата*, если будут сохраняться неизменными *правила игры*. А правила игры остаются прежними - и правовые, и идеологические.

Броуновское экономическое брожение рождает в России видимость организованной экономической жизни. Функционируют экономические институты, укрупняются и разукрупняются предприятия, создаются и лопаются тресты, покупаются и продаются активы, но ощутимого экономического роста нет. Его и не может быть, потому что нет капитализации. А капитализации нет, потому что нет подлинного капитализма, культуры капиталистического производства. Есть всеохватная общенациональная спекуляция. Спекуляция материальными и духовными ценностями, спекуляция вещами и человеческими отношениями, спекуляция оптом и в розницу, в семье и в обществе, на работе и дома. Спекуляция есть экономический дух современного российского общества, но не дух капитализма. Она рождает только спекуляцию, но никогда не родит сама по себе современный капитал.

Обрушенная приватизацией, российская экономика потеряла вектор развития. Она суетится на обочине мирового экономического развития и не в состоянии уже самостоятельно вернуться на проезжую часть. Для этого нужен политический тягач.

Русская политика

Уже более ста лет двумя основными вопросами русской политической философии являются: что делать и кто виноват? Обычно только первый вопрос вызывает затруднения, а на второй есть сразу несколько ответов. Но в этом и состоит загвоздка. Докопаться до того, кто *действительно* виноват оказывается не просто - слишком много кандидатов. Более того, при пристальном изучении роли каждого конкретного претендента выясняется, что он *не так уж* и виноват...

Каждый русский политик есть жертва обстоятельств, созданных его предшественником. В. Путин - заложник олигархической системы, созданной Б. Ельциным. Ельцин - жертва экономического кризиса, оставленного ему в наследство М. Горбачевым. Горбачев - пленник идеологического тупика, в который завел страну Л. Брежнев. Брежнев уходил от волонтаризма Н. Хрущева, а Хрущев убежал от тирании И. Сталина. И так не останавливаясь, пока не дойдем, как минимум, до декабристов, которые, если верить В. Ленину, разбудили А. Герцена.

Очевидно, что русская политика имеет какой-то исторически обусловленный стержень, проходящий сквозь различные политические эпохи, связывая их в одно целое. Парадоксальность русской политики состоит в том, что ее как бы не существует. В России не было и до сих пор нет политики в современном западном смысле этого слова, то есть в смысле отношения общества к власти. У нас политикой всегда являлось *отношение власти в целом и ее различных фракций к обществу*. Это свойство русской политики пережило с успехом многочисленные революции и до настоящего момента остается ее отличительной чертой.

⁸ Найдется немало людей, которые со ссылкой на классиков всех философских школ и направлений укажут, что любой капитализм по своему происхождению бандитский. Поэтому и у нас все образуется, но позже... Этим людям следует напомнить: всему свое время, что возможно в *доиндустриальную* эпоху, невозможно в *постиндустриальную*. Управлять современной экономикой "крестные отцы" не в состоянии.

Самодержавие как политический принцип было в течение нескольких веков наиболее полным выражением сути российской политической системы. Формально самодержавие уступило место государству "диктатуры пролетариата". Принято считать, что в этой точке произошел обрыв политической преемственности, в результате чего возникла отвратительная "тоталитарная" опухоль, наряду с фашизмом заклеенная как политическая патология.

Может быть, в глобальном измерении тоталитаризм - патология. Но вот в "губернском масштабе", в рамках российской политической традиции в нем ничего особо необычного нет. Государство "диктатуры пролетариата" вполне органично вписывается в самодержавную традицию, являющуюся альфой и омегой русской политики с момента зарождения русской цивилизации. Разве русская власть до Октябрьского переворота не зиждилась на безукоснительном признании своего верховенства над обществом, своего права на безотчетность в проведении внутренней и внешней политики? Разве борьба против этой привилегии власти не составляла ядро всей революционной борьбы, начиная со второй половины XVIII в.?

Впрочем, разрыв был, но совершенно по другой линии. Государственная власть на закате империи провозглашала принцип самодержавия, но была уже не в силах воплотить его в жизнь, принимая на себя "добровольно-принудительно" многочисленные ограничения, вплоть до создания при себе суррогатного парламента - Государственной думы. Советская власть *на практике* воплотила дух самодержавия, освободив себя от любых политических ограничений, но *в теории* она отвергла самодержавие *как принцип*.

Формальный отказ от самодержавия и признание демократической республики, пусть даже с оговоркой, что это всего лишь оболочка для "диктатуры пролетариата", были историческим прорывом для России. Поэтому современная русская демократия, считающая своей политической матерью Февральскую революцию, должна помнить, что ее политическим отцом был Октябрь. В этом отношении, как ни трудно это признать тем, кто знает нашу трагическую политическую историю, советский строй, оставаясь в русле российской политической традиции, был серьезным шагом вперед и в ее развитии, и в ее преодолении.

Советский Союз был еще русским *по духу*, но уже западным *по форме* государством. Репрессивный характер советской власти заставил последующие поколения в своих оценках отбросить ее демократическую форму как нечто *несущественное и исторически случайное*. Но форма эта была не случайна. Она сигнализировала, что сущность советской власти еще не до конца раскрылась, что есть другой, невидимый современниками пласт, которому суждено проявить себя позже. Это медленное разворачивание истинной и противоречивой сущности советской власти сформировало интригу русской политики в XX в.

Сталинский террор имел такие чудовищные масштабы, что стал восприниматься современниками как сущность советской системы: Такая оценка тем не менее не ближе к истине, чем утверждение о том, что якобинство - суть буржуазной демократии Запада. Возникшая на волне трех русских революций политическая система была *демократией*, несмотря на свое врожденное уродство и отвратительный вид.

Это была исторически первая русская национальная форма демократического государства, "*русской демократии*". Демократичность советской государственности проявляет себя по мере того, как сходит на нет философия и практика террора. Советская система - демократия эпохи государственного капитализма. Как в советской экономике в скрытой форме существовали рынок и капитал, так и в советской политике в скрытой форме существовали демократия и гражданское общество. В "замороженном состоянии" здесь можно найти не только семью, но и профсоюзы, местное самоуправление, общественные и некоммерческие организации, и даже политическую партию (правда, одну, но это историческая случайность, могло быть и две, будь левые эсеры поговорчивее).

Монополии государства как единственного частного собственника на рынке здесь соответствует монополия единственной государственной партии в гражданском обществе.

Государственная партия поглощает, всасывает в себя все другие институты гражданского общества, превращаясь в его единственного представителя. Тем самым жизнь гражданского общества превращается во *внутрипартийную* жизнь, а отношения гражданского общества с государством сводятся к отношениям единственной партии с государством.

КПСС - самый важный и самый непонятый феномен советской эпохи. Это сложная социальная организация сама обозначала себя как партию, что и стало причиной многих последующих заблуждений. Она развилась из ленинской партии "нового типа", своего рода "государственного эмбриона" будущего политического строя в теле империи. После революции, когда большевистская партия была имплантирована в разрушенную государственную машину империи, она и вовсе потеряла признаки "партийности". Это чем-то напоминает операцию с "социальными стволовыми клетками", которые были внедрены в стареющую государственную ткань империи и привели к омоложению и перерождению последней.

В возникшем из этой основы государственном механизме КПСС была чем угодно, только не партией. Это было "внутреннее государство", гражданский дублер государственных функций. Советская система была двухслойной, государство как бы состояло из двух частей - партийной и собственно "советской", - находящихся между собой в сложном диалектическом взаимодействии. За первой были закреплены преимущественно политические функции, за второй - административные. Обе эти стороны коммунистической государственности в своем развитии взаимопроникали друг в друга до такой степени, что были практически неразделимы, но все-таки не совпадали.

Но такая двойственность присуща любой современной демократии. Гражданское общество и политическое государство - две стороны одной медали, два проявления единой буржуазной власти. Гражданское общество в современной демократии - тоже своего рода "внутреннее государство", механизм формирования политической воли, реализуемой впоследствии государственной властью. Гражданское общество и политическое государство в любой демократической системе неразрывно связаны, но при этом никогда до конца не сливаются.

КПСС была по своей политической сути *гражданским обществом* советской эпохи. Это было сублимированное гражданское общество в стране с экономикой монополистического государственного капитализма. Но, если в западной демократии свободе рынка соответствует стихия гражданского общества, то в советской России монополии государства в экономике соответствовала иерархия отношений внутри этого гражданского общества.

Достаточно долго КПСС справлялась со своей миссией *"производителя политической воли господствующего класса"*. В ее ткань со временем были ассимилированы все сколько-нибудь значимые советские элиты. Очень сложный механизм кадрового распределения поддерживал между этими элитами необходимое равновесие. При показном единодушии, которое во многом было вызвано потребностями "соревнования социализма и капитализма", внутрипартийная жизнь представляла собой непрекращающийся "подковерный" процесс согласования многообразных социальных, групповых интересов. И если при жизни Сталина это не было так очевидно, то уже способ, каким обеспечивалась преемственность власти после его смерти и во всех последующих эпизодах, очевидно показывает, что окончательные решения всегда становились следствиями консенсуса определенных политических кругов. КПСС переплавляла все эти групповые интересы внутри себя в политические решения, и в этом смысле до тех пор, пока она была способна делать это эффективно, вполне резонно могла считаться руководящей и направляющей силой советской политической системы.

Однако упадок государственного капитализма привел к упадку и его политической надстройки. Механизмы, призванные обеспечивать бесперебойное и эффективное принятие политических решений, стали давать сбой. Частные интересы "партийной бюрократии" начали доминировать над всеми другими. Стремительно развивались два взаимосвязанных процесса: партийная бюрократия ушла "в отрыв" от остальных элит, теряя

с ними связь, а КПСС одновременно стала отождествляться в представлении других элит исключительно с партийной бюрократией. Ее социальные функции, и так не очень прозрачные, окончательно замутнились. В конце 1970-х гг. КПСС вошла в стадию глубокого системного кризиса, повлекшего за собой, естественно, кризис всей государственной системы.

Впрочем, на этом же этапе внутри как партийного, так и советского аппаратов стали срабатывать "защитные механизмы", начала формироваться внутренняя оппозиция, которая, опираясь на новый консенсус всех основных элит советского общества⁹, стала исподволь сначала готовить (с конца 1960-х), а затем и продвигать (с середины 1980-х) политические реформы. Разумеется, центром этих реформ должно было стать преобразование КПСС - несущей опоры всей советской государственности. Главной задачей должна была стать децентрализация "партии". В этом случае сублимированное гражданское общество должно было постепенно трансформироваться в нечто более подвижное, раскрепощенное, способное стать необходимым внутренним наполнителем создаваемых новых демократических государственных форм.

К сожалению, по целому ряду как объективных, так и субъективных причин развитие политических процессов пошло по иному руслу. Произошла трагическая расстыковка, десинхронизация изменений в "партии" и в "государстве". Спротивление партийной бюрократии оказалось сильнее, а решительность реформаторов слабее, чем того требовали обстоятельства. Партийная реформа запаздывала. Компенсаторно, под давлением других элит руководство КПСС наращивало темпы реформы в тех областях, где сопротивление казалось меньшим. Стали оформляться внешние атрибуты буржуазной демократии: относительно свободные выборы, новый представительный орган власти, конституционный суд. В результате диспропорция политической системы росла еще более быстрыми темпами.

В этот и без того напряженный политический момент самую трагическую роль сыграло массовое заблуждение относительно действительной природы КПСС и ее роли в политической системе страны. Следуя логике "строительства демократии", правящие элиты рано или поздно, однако, неизбежно должны были столкнуться с проблемой "гражданского общества" как ключевого, "скрытого" элемента любой современной демократии, как "изнанки" западного политического государства.

Обнаружив недостаток гражданского общества, реформаторы озадачились проблемой его создания. Не комментируя в принципе абсурдность самой идеи *создания* гражданского общества, необходимо остановиться подробнее на исходном тезисе о его отсутствии в России. Тот уровень технологического развития, который демонстрировал СССР на исходе своей истории, не мог быть достигнут и поддерживаться без помощи достаточно развитых элит (инженерных, научных, художественных, политических, военных и прочих). Сложность организации экономической, социальной и политической жизни предполагала очень высокий уровень самосознания этих элит. Если бы их интересы в той или иной форме не совмещались, то никакое, самое "тоталитарное", государство не спасло бы общество от гибели и развала. Это значит, что гражданское общество в СССР было. Другой вопрос, где оно было спрятано и в какой форме себя проявляло.

Демонизируя КПСС как "главный тормоз реформ", не понимая истинной природы и значения этого сложного политического института, общественное мнение того времени не столько "открыло" для себя тему "гражданского общества", сколько "закрыло" ее на очень долгое время. Поскольку КПСС и была сублимированной формой гражданского общества, построить демократию можно было реально только на этой платформе. Подавляющее число капитанов рыночной экономики и политических лидеров демократии в современной России, за исключением тех, кто пришел из сугубо криминальных кругов, - сугубо партийные кадры.

⁹ В том, что такой консенсус к концу 1970-х гг. сложился на базе неприятия коммунистической идеологии и политики, нет никаких сомнений.

Все эти амбиции и интересы, переплетаясь, составляли политическое содержание той институции, которая существовала в СССР под брендом "КПСС". Поэтому, когда озабоченные созданием гражданского общества русские элиты нанесли в 1991 г. главный и решающий удар по КПСС, проведя полную "департизацию" по европейским рецептам, они выбили из-под себя стул и повисли на веревке собственных политических иллюзий. Но заодно подвесили всю Россию...

Сокрушительное и практически одномоментное уничтожение КПСС создало колоссальный политический вакуум в стране. На поверхности осталась одна скорлупа государственных учреждений и законодательства. Приводные ремни, которые связывали работу госучреждений с общественными интересами, порвались, государство стало напоминать свою тень. В таком положении оно остается до сих пор.

Чем же увенчались усилия по *созданию* гражданского общества, не прекращавшиеся все эти 14 лет? Все организации, созданные за время реформ, взятые вместе, представляют собой маленького социального карлика, охватывающего крошечный сегмент российского общества, и просто не в состоянии исполнять функции гражданского общества. Выброшенное из КПСС население оказалось не готово к тому, чтобы интегрироваться в организации западного типа. Поэтому основная часть российского общества находится в состоянии стихийного, неуправляемого движения, а российское государство буквально "висит в воздухе", не имея под собой социальной опоры.

По всей видимости, КПСС была не случайной, а необходимой формой жизни гражданского общества в России при данном уровне развития гражданского самосознания. Недаром сегодня про каждую вновь создаваемую проправительственную партию у нас говорят: что бы мы ни строили, все равно выходит КПСС. В этой шутке есть лишь доля шутки. Дело не только в заскорузлости кремлевских чиновников (хотя какой еще у них может быть жизненный опыт), а в объективных условиях, каждый раз востребующих именно такую организационную форму. А разве Яблоко, ЛДПР, Родина, КПРФ - не КПСС? Все наши партии похожи друг на друга и на свою прародительницу. Отличаются они от нее одним - масштабом и уровнем организации. Так средневековая мануфактура отличается от капиталистического предприятия.

Политическая революция привела Россию в итоге к политической деградации. Вместо того чтобы преодолеть кризис в КПСС и постепенно перейти к новому качеству организации гражданского общества, система была разрушена до основания, и завязанное на нее государство бессильно замерло, потеряв созидательный потенциал.

Русская спираль

Какую бы сферу жизни мы ни взяли, будь то экономика или политика, наука или искусство, очевидно, что советская эпоха оставила в ней *существенный и реальный* след. Причем это не просто след - это *приращение* исторического капитала. В экономике была преодолена многоукладность, блокировавшая дальнейшее развитие народного хозяйства, и построена система современного государственного капитализма. В политике принцип самодержавия формально был заменен республиканским принципом и создана массовая политическая организация общества. К счастью, вклад советской России в науку и искусство реже подвергается сомнению и поэтому не требует специального рассмотрения. Это, как говорят юристы, "безвозвратный аккредитив", исторический вклад, который нельзя ни отозвать, ни проигнорировать. Октябрь изменил Россию навсегда, и с этим *всегда* придется считаться.

Начав реформы с отказа от признания экономических, социальных и политических достижений советской эпохи, Россия обокрала сама себя. Потому что в основу всех планов и расчетов была положена не реальная Россия, а некая абстрактная модель, существующая только в воображении идеологов. Реальная же Россия впитала в себя советское время. Модель, взятая за основу реформ, - "*Россия, которую мы потеряли*", иными словами - "*Россия, которой никогда не было*".

Вместо того, чтобы достраивать и перестраивать *имеющееся*, стали строить на песке *сызнова*. Вернее, не на песке, а в песочнице, потому что все строительство было очень "верхушечным"; активно вовлечено в него оказалось не так много народу. Основная же часть населения - глубинная, коренная Россия - погрузилась в стихию выживания, вышвырнутая на обочину исторического процесса, в котором не принимала никакого живого, созидательного участия.

В песочнице можно строить только песочные замки. В экономике новые отношения, не соединившись с народной жизнью, не наполнившись ее энергией, остались стильным крылечком с евроремонтом, пристроенным к огромной немой и запустевшей избе полуразрушенного советского "народного хозяйства". В политике на месте массовой политической организации общества, которая была неразумно уничтожена, возникла "детсадовская" партийная группа, заменившая политику политтехнологиями. В культуре отказ от исторического наследия спровоцировал давно зревший коллапс, лишивший население страны воли и дезориентировавший его нравственное чувство.

Среди тысяч и тысяч причин того удручающего, бедственного положения, в котором оказалась сегодня Россия, *исторический нигилизм* является наиважнейшей. Именно он лежит в основе других идеологических, политических и экономических просчетов. *Реабилитация* советской эпохи русской истории - сегодня наипервейшая идеологическая задача, без решения которой невозможно вновь встать на твердую почву.

Россия должна выбраться из того исторического колодца, в котором она сидит уже почти 20 лет, и увидеть себя со стороны, в контексте мирового пространства и времени, без всяких купюр и изыятий. Нужно не просто абстрактное признание "права коммунизма на существование", а скрупулезное, доскональное переосмысление всей текущей жизни с учетом признания своего исторического наследия. Только это даст возможность сформулировать новую повестку дня для России¹⁰.

Советская эпоха - форма, в которой Россия пережила свое "новейшее время". Точно так же империя была формой, в которой Россия пережила свое "новое время". Это наша национальная версия "государства всеобщего благосостояния". Мы пережили по-коммунистически то, что Запад пережил либерально. Политические функции советской системы были те же, что и политические функции западной демократии, - она обслуживала интересы постиндустриального общества. Только в России это было *другое* постиндустриальное общество, возникшее в лоне *православной* культуры, в основе которого лежал *государственный капитализм*¹¹.

Это совершенно иначе высвечивает кризис в современной России. Господствующее мнение склоняется к тому, что это *локальный* кризис общества, уклонившегося от генеральной линии культурной эволюции. Соответственно диагнозу предлагается и лечение: надо вернуть уклонистов на столбовую дорогу человечества, олицетворяемую Западом. Однако в действительности дело обстоит иначе. То, что считают патологией, было одной из специфических форм той же эволюции, которую проделал сам Запад. Просто Россия привычно проехала этот путь не по хайвею, а по параллельной грунтовке местного значения. И результат вполне адекватный: мы таки добрались до постиндустриального общества, но растрясли и отбили себе все, что можно. Нас не нужно никуда возвращать, мы оборванные и обозленные стоим в той же исторической точке, что и

¹⁰ Сам исторический нигилизм для России скорее норма, чем исключение. Здесь каждое новое поколение ощущает себя Адамом и Евой, которым предстоит возделывать девственную природу. После это ощущение проходит. Пройдет естественным образом и в этот раз. Но ныне события развиваются столь стремительно, что нет возможности ждать, пока это пройдет естественным путем. Надо ускорять осмысление.

¹¹ В этой связи нельзя обойти вопрос о ставшем общим местом сравнении коммунизма и фашизма. Думаю, коммунизм был общей формой существования русской культуры в отдельном историческом периоде. При этом итогом деградации коммунизма, как и итогом деградации либерализма, как теперь уже стало очевидно, также является фашизм. Коммунизм и фашизм имеют совершенно разное социальное содержание. Их объединение в "одном флаконе" не только аморально, но и антинаучно.

Запад. Наш кризис - это и их кризис. Наше разочарование - и их разочарование. То, что происходит сегодня в России, - не частный случай, а глобальное явление, проявление *глобального* кризиса, кризиса постиндустриального общества в целом.

Россия - слабое звено постиндустриального мира, тяжело больного, но еще не догадывающегося об этом. Врачи знают: при общем ослаблении организма "звучит" самый незащищенный орган, именно там начинаются осложнения. По множеству объективных и субъективных причин Россия к концу XX в. оказалась таковой. Она первой и попала под каток мирового кризиса. Пока он воспринимается Западом как "чисто российское дело". И Запад искренне хочет научить непутевую Россию, как нужно жить. Но и ему самому, видимо, недолго оставаться в неведении относительно реального положения вещей у себя дома. Окончание нефтяной эры резко ускорит пока скрытые культурные, экономические и политические процессы, и тогда, может быть, печальный опыт России поможет Западу. Иногда лучше быть последним, чем первым...

Однако России до этого часа еще надо дожить, а значит, ей самой предстоит искать средства избавления от всемирной угрозы¹². Главное, что предстоит понять, - *глобальные болезни не лечат частными средствами*. Россия должна искать *глобальный ответ* на глобальный вызов. Только общенародное *сверхусилие*, подобное тому, какое она делала в XV, XVII и XX вв., может защитить ее от катастрофы. Россия нуждается сегодня в *глобальной идеологии, направляемом рынке и управляемой демократии*.

"Глобальная" идеология. Одно из самых распространенных заблуждений в современной России - представление об идеологии как о сугубо субъективном явлении. Возобладало мнение, что идеология - нечто вроде маркетинговой стратегии, которую надо сначала "придумать", а потом "раскрутить". Отсюда и идут непрерывные попытки "создания национальной идеи". В действительности идеология - вещь совершенно объективная, стоящая в одном ряду с такими явлениями, как государство, право, мораль. Хотя законы пишут конкретные люди, никому не приходит в голову мысль создать национальное право. Люди - носители идеологии, но она формируется и существует независимо от воли одного человека или какой-то, пусть даже самой большой группы людей. Идеология есть часть объективной реальности, нас окружающей. Мы можем только постигать ее, более или менее правильно угадывать, определять и выражать. Коридор возможностей здесь не так широк, как кажется.

Необходимо в первую очередь осознать, что у России сегодня не может быть какой-то изолированной от окружающего мира идеологии. Национальная идея - не провинциальная идея, а частная форма мировой идеи. Происходящее в России - эхо мировых катаклизмов. Поскольку мы только "срезонировали" на общий кризис постиндустриального общества с его транснациональной экономикой и либерально-демократической политикой, то столь жаростно искомая идеология новой России должна быть ответом не столько на внутренний, сколько на *глобальный* вызов.

Глобальным вызовам сегодня несть числа, и трудно понять, какой из них главный. Если отбросить экологию, экономику, политику и сосредоточиться исключительно на духовной сфере, то основной вызов человечеству сегодня брошен *"массовой культурой"* Запада. Современная массовая культура - не частность, а *изнанка* жизни постиндустриального общества. Это шлаки, отравляющие как саму западную культуру, так и взаимодействующие с Западом другие культуры.

Революция, которую в общественной жизни совершили информационные технологии, привела к доминированию массовой культуры. С появлением современного маркетинга, позволяющего программировать поведение, вкусы и пристрастия обывателя, нормальный баланс субкультур внутри современного общества нарушен. Сегодня группа людей, обладающая достаточными материальными, а значит, и информационными ресурсами, получила возможность в целях извлечения максимальной прибыли созда-

¹² Невольно напрашивается аналогия с XIII в. Спасаясь сама, Россия должна прикрыть собой Запад. Тогда - от угрозы с Востока, сейчас - от угрозы с Юга.

вать необходимый ей потребительский, эстетический или этический стандарт и навязывать его подавляющей части населения.

Сегодня из всех культур для человечества самая главная - потребительская. Потребление в постиндустриальном обществе почти полностью оторвалось от реальных потребностей человека. Оно формируется виртуальными, то есть программируемыми, потребностями, которыми управляет производитель. Буквально за несколько десятилетий возникла и сформировалась экономика "брендов", где цена товара зависит практически только от его рыночного позиционирования. Массовая культура оформилась как культура *неограниченного и расточительного* потребления. Как смерч она вовлекает в свою воронку буквально все стороны жизни современного общества: науки, искусство, семью.

Это не просто одна из субкультур современного западного общества, не культура низших классов, как принято думать. Массовая культура - признак вырождения западной культуры в целом. Это вирус-убийца, уничтожающий цивилизацию изнутри. Массовая культура задает стандарты жизни, несовместимые с христианскими началами западной культуры, формирует в западном обществе новый "внутренний пролетариат", живущий не созиданием, а диким, варварским поглощением ресурсов.

Запад в целом, безусловно, еще демонстрирует свою способность к творчеству и созиданию. В самом западном обществе массовая культура завоевывает свои позиции шаг за шагом, сталкиваясь с серьезным сопротивлением элиты. Но вовне, в неокрепших, не имеющих глубоких христианских корней обществах вроде российского, ее воздействие оказывается мгновенным и разрушительным. То, что для самого Запада - тяжелая болезнь, для России - болезнь смертельная. Так, СПИД в Европе губителен для групп риска, а в Африке он косит все население. Новый потребительский стандарт превращает все надежды России на преодоление кризиса в прах. Только преодоление этого стандарта, борьба за новую культуру *контролируемого потребления, необходимого и достаточного поглощения ресурсов*, может стать платформой духовного, а вместе с тем экономического и политического возрождения России¹³. Движение против варварского потребления и засилья массовой культуры уже разворачивается в Европе и Америке. Если очистить "антиглобализм" от всего наносного, то в конечном счете в его основе лежит именно протест против западного потребительского стандарта.

У России нет выбора, наше глобальное будущее возможно только в авангарде *антиглобализма*. Как и в начале XX в., России предстоит первой поднять *не свое* знамя. Решая сугубо национальную задачу выживания, ей нужно принять вызов общечеловеческого масштаба и дать на него ответ в *этом же* масштабе. Так однажды *одно из многих* западных идейных течений - марксизм - стало в России новой национальной религией. Сплавившись с русской религиозной традицией, марксизм потом через русскую революцию оказал мощнейшее обратное воздействие на судьбу самого Запада, предрешив окончательную трансформацию индустриального мира в постиндустриальный.

"Направляемый" рынок. Свободный рынок - священная корова экономики эпохи МВФ. Однако любая свобода относительна. Рынок - всего лишь матрица экономических отношений в отдельно взятом обществе, всегда наполненная определенным конкретно-историческим содержанием. Содержание позднего постиндустриального рынка определяется массовой культурой. Рынок рождает массовую культуру, массовая культура убивает рынок. Она подчиняет его свободную стихию своим извращенным стандартам. Как "черная дыра", она искажает все экономические пропорции и делает рынок

¹³ В советскую эпоху практиковалось насильственное внешнее ограничение потребностей за счет регулирования рынка и контролируемого государственного распределения. Жизнь показала, что этот путь совершенно неприемлем. Необходимо внутреннее, основанное на самоограничении, воздержании регулирование, добровольный сознательный отказ от чрезмерности и излишеств потребления для достижения значимых общественных целей. Это возможно только в рамках мощной новой философско-религиозной системы.

расточительным и опасным. Это касается самого западного общества и вдвойне - России.

Даже если отвлечься от таких вещей, как мировой рынок с его ценами и финансами, экономика России (как и экономики подавляющей части стран "третьего мира") сегодня *свободно* выстраивается под потребительские стандарты, формируемые за ее пределами. Поэтому "свободный рынок" в России даже в самом идеальном исполнении будет в конечном счете не свободен. Он будет подчинен структуре потребления, задаваемой извне и не соответствующей наличным возможностям страны.

Русское общество, желая сегодня как можно скорее преодолеть противоречие между ожиданиями населения и имеющимися ресурсами, все силы подчиняет задаче наполнения "потребительской корзины" и не имеет возможности сосредоточиться на решении стратегических технологических задач. В результате экономическое отставание возрастает и диспропорция еще больше увеличивается. Если раньше национальные ресурсы бесплодно изводились *"военной"* экономикой государственного капитализма, то теперь они бесплодно изводятся *потребительской* экономикой "дикого" капитализма. Результат в обоих случаях один и тот же - стагнация. Капитализация становится невозможной, общество вынуждено "с колес" тратить все, что зарабатывает, потому что население стремится жить "не по средствам".

Задача развития и задача обеспечения западных норм потребления сегодня в России не могут решаться одновременно - чем-то надо поступаться. Убедить население поступиться стандартами потребления - идеологическая задача, о чем было сказано выше. А вот в экономической плоскости, чтобы высвободиться из-под этой "потребительской зависимости" (слезть с потребительской "иглы"), нужно целенаправленно корректировать стихию свободного рынка, делая таким образом возможным стратегическое накопление ресурсов для обеспечения технологической революции.

*Вмешательство в "свободный рынок" - необходимое условие экономического прогресса в России*¹⁴. Это вмешательство необходимо, как минимум, в троякой форме: государственное регулирование на макроуровне, создание публичных корпораций как доминирующей организационно-правовой формы на микроуровне и адресное государственное инвестирование как средство обеспечения экономического роста.

Возрастание роли государства в экономической жизни страны неизбежно, что бы об этом ни говорили либеральные экономисты. Но государство должно быть не столько контролером (как сейчас), сколько *регулятором*. Конечно, не в грубой "госплановской" форме, но и не в сегодняшнем аморфном виде. Правительство должно иметь мощный центр планирования, а приводными ремнями должны стать государственные пакеты акций в стратегически важных компаниях. Восстановление *государственного планирования*, причем не только *индикативного*, но и *административного*, особенно в отношении предприятий, находящихся в государственной собственности, - часть общего движения к направляемому рынку.

Попытки решить задачу экономического регулирования при помощи приватизации и переходом к "саморегулированию" - тупиковое направление реформ. Изменение форм собственности само по себе проблему регулирования рынка и экономического роста сегодня не снимает. Поэтому ускоренная приватизация скорее усугубила ситуацию, чем способствовала ее разрешению. К концу постиндустриальной эры вопрос о *собственности* вообще становится менее значимым, чем вопрос об *управлении*. Превращение лидеров мирового рынка в гигантские международные публичные корпорации с распылением собственности среди сотен тысяч акционеров приводит к возрастанию роли менеджмента. Судьба компаний все больше зависит не от тех, кто ими формально владеет, а от тех, кто ими практически руководит. Поэтому задачу стабилизации экономики нужно решать не столько путем поиска мистического эффективного собственника,

¹⁴ Другое дело, что это вмешательство может быть губительным, поэтому вопрос о методах стоит очень остро.

сколько путем поиска реальной эффективной, адекватной современному техническому уровню производства организационно-правовой формы. Такой формой, причем апробированной в мировом масштабе, является *публичная корпорация*.

Создание национальных публичных корпораций с современным менеджментом, с контрольным или блокирующим пакетом акций в руках государства и *с широким участием населения* в их собственности в качестве миноритарных акционеров - одна из важнейших экономических задач. Для этого требуется преодолеть наследие ельцинской эпохи и трансформировать в такие публичные корпорации сегодняшние олигархические экономические анклавы. Это откроет широкий доступ к структурообразующим отраслям народного хозяйства средней и мелкой буржуазии, сделав экономику более демократичной, сформирует, наконец, тот общественный слой, который будет заинтересован в экономическом росте¹⁵.

Создав стабильные организационно-правовые формы экономической деятельности, государство должно сосредоточиться на точечной стимуляции роста в стратегически важных областях, осуществляя перераспределение средств при помощи *прямых адресных инвестиций*. Сегодня точками роста должны стать особые экономические зоны, которые нужно создавать не в деградирующих районах с целью ослабления налогового бремени, а наоборот, в наиболее сильных и перспективных регионах, чтобы обеспечить там устойчивый рост. Сильные потом вытянут слабых.

Все эти, как и многие другие экономические меры возможны только при наличии сильного эффективного государства. Это возвращает нас к формуле о приоритете политики над экономикой в переходную эпоху.

"Управляемая" демократия. Как ни усердствуй над своим имиджем, природа все равно проявит себя. Сколько средств было потрачено на создание европейских политических декораций для России, но через 20 лет азиатский профиль стал отчетливо проступать сквозь слой демократических белил. Контуры новой русской власти самым мистическим образом повторяют очертания еще не забытой советской системы.

Прежде всего власть, как и раньше, поделена на внутреннюю и внешнюю. Внешняя власть - законодатели и правительство. Сегодня Государственная дума и Правительство РФ все больше напоминают Верховный Совет и Правительство СССР. Они вне политики, это исполнители воли "внутреннего государственного голоса", каковым является администрация президента, которая дублирует политическую работу законодателей и правительства, ставя перед ними разные задачи. Администрация присвоила себе функции аппарата ЦК КПСС. Рядом находится судебная власть, лишняя какого-либо самостоятельного значения и направляемая в принципиальных вопросах "новым ЦК". Между этими аппаратами осуществляется постоянная кадровая ротация. Люди уходят из внешнего круга во внутренний, чтобы вернуться во внешний, но на новую позицию. Вокруг этого "государственного солнца" вращаются планеты-губернии. Механизм организации власти в каждой из них такой же, только в центре вместо президента находится губернатор. Губернатор формально подчинен президенту, но обладает широкой автономией, пределы которой он постоянно стремится расширить. В этом качестве он мало чем отличается от первого секретаря обкома старого времени. Федерализм как был, так и остался литературным украшением политической системы.

В то же время, многое изменилось. Главное - произошла деградация внутренней власти. Если "внутренний голос" партии грозно гремел, то "внутренний голос" администрации угрожающе хрипит. Сила аппарата ЦК держалась на том, что это была верхушка айсберга - огромной административно-политической системы, пронизывающей насквозь все общество. Администрация президента в современной России - это голова про-

¹⁵ Национализация части предприятий с последующей вторичной приватизацией, но уже на реальных рыночных условиях, представляется в этом случае практически неизбежной. Но это не имеет ничего общего с практикой выборочной национализации на исключительных условиях, вроде той, которая имела место в случае с ЮКОСом.

фессора Доуэля. С одной стороны, администрация президента не опирается на партию, она ее (точнее - их) творит, причем все эти партии беспомощны и бесполезны. Это не опора, это обуза.

С другой стороны, опора все равно нужна; кислород этой странной "политической голове" необходим постоянно и в больших количествах, и его приходится брать у тех, кто обслуживает шланги. Поэтому зависимость от тех или иных олигархических групп заложена в самой природе нынешней власти. Если нет отлаженного механизма подготовки и ротации кадров, кто-то должен взять эту функцию на себя. Если нет эффективно функционирующих государственных политических центров, то эти решения должны готовиться в частных центрах. Если нет своего отлаженного механизма взаимодействия с регионами, кто-то должен исполнять функцию посредника. Олигархия - штатный благодетель в разрушенной политсистеме. Она еще мало берет за свои услуги, ибо функционально незаменима. Можно только одни олигархические группы менять на другие и доказывать, что новые менее жадные, чем старые.

Политическое бессилие современной России объясняется тем, что сегодня ее политическая система представляет собой усеченный конус, у которого отсекали не верхушку, а основание. Поэтому верхушка потеряла реальную связь с общественной почвой, питающей политику. Власть пытается делать вид, что цепляется за эту почву канатами политических партий, рвущимися при самом слабом натяжении, но в действительности удерживается в воздухе только потому, что под нее подведены подпорки олигархических институтов, взявших на себя функции станového хребта русской политики.

Выход один - нужно подводить под власть новое основание. Таковым в идеальном случае могла бы стать демократическая система, но ей неоткуда взяться. На деле есть только обломки "бывшей КПСС", задрапированные "под демократию". Поэтому нет другого выхода, как вернуться в ту историческую точку, где произошел "срыв" и попытаться пройти путь заново, но уже без прежних ошибок.

Основная ошибка всех предшествующих попыток создания "партии власти" в посткоммунистической России состояла в забегании вперед, в том, что в качестве задачи была сформулирована идея формирования парламентской партии. Для ее деятельности в современной России, к сожалению, не сложились еще ни экономические, ни социокультурные, ни политические условия. Для такой партии нужны уже развитая рыночная инфраструктура, культура гражданской инициативы, элементарные политические навыки, закрепившиеся как более или менее стабильные традиции. Ничего этого пока в России нет, поэтому любая структура, претендующая на роль парламентской партии, повисает в воздухе, становится беспомощным приложением либо к власти, либо к определенной финансово-промышленной группе.

К концу 1980-х гг. КПСС, с одной стороны, исчерпала себя, а с другой - созрела для перехода в какое-то новое качество. Однако этот переход не состоялся. Вместо него был сделан "большой скачок" вбок. Этот большой скачок не увенчался успехом, и в результате страна вообще осталась без эффективной политической организации. Задача состоит не в том, чтобы воссоздать КПСС. Это бы означало попытку воссоздать то, что давно исчерпало себя, а в том, чтобы выстроить ту политическую организацию, в которую КПСС должна была бы переродиться, если бы обстоятельства сложились иначе и к восприятию которой общество объективно созрело. Речь идет о некоторой промежуточной политической форме - о "непарламентской" партии, вынужденной действовать в условиях формальной демократии и многопартийности.

Возврат к идее сильной "непарламентской" партии является сегодня инстинктивной попыткой восстановления логики прерванного в 1991 г. политического процесса. Это фантомная боль, мы все время пытаемся прочувствовать "ампутированный орган". Глубокая реформа КПСС была той исторической задачей, запоздав с решением которой Горбачев невольно обрушил государственную власть. В итоге экономические и политические процессы на территории СССР стали развиваться неуправляемо. Для того чтобы восстановить управляемость и начать реализовывать альтернативный сценарий преоб-

разований, необходимо частично возвратиться в исходную точку и совершить при изменившихся обстоятельствах то, что не было сделано Горбачевым и его окружением.

Горбачев не справился с задачей, так как не сумел преодолеть идеологическую зашоренность и организационную косность основной части партийного аппарата. Сегодня это препятствие устранено естественным путем, поскольку строительство новой "партии власти" нужно начинать с нуля. Новая партия должна отличаться от КПСС способностью эффективно действовать *в условиях формальной демократии*, то есть при наличии выборов, парламента, многопартийности и относительной свободы прессы. В то же время она должна быть похожа на КПСС своей способностью мобилизовывать и организовывать массы, используя имеющиеся административные ресурсы. Партия должна перенести внутрь себя функции политического руководства, которые сегодня сосредоточены в администрации президента. Это осуществимо при соблюдении определенных условий.

Во-первых, Президент РФ будет одновременно и руководителем данной партии. В этом случае как глава государства он будет руководить работой правительства, а как лидер партии - выработкой политического курса. Возможно, в рамках конституционной реформы следует решить вопрос о том, что президент непосредственно руководит правительством. Организацией работы самого президента должен заниматься только его секретариат.

Во-вторых, это возможно только, если администрация президента вместе с его управлением делами будут ликвидированы. Политические функции администрации должны быть переданы аппарату партии, а административные - аппарату правительства. Место В. Суркова в партии, а не в Кремле. Туда же должны быть переданы материальные ресурсы управления делами, на которые реально сегодня опирается власть в своей политической работе. Будет гораздо честнее и полезнее для общества однажды пережить такую *разовую* передачу средств из государственной собственности в партийную, чем жить в условиях постоянного государственного дофинансирования политики из околоскремлевских "серых" касс.

В то же время такая партия должна стать организационной формой существования постоянной политической дискуссии по вопросам текущего политического курса. Внутри нее необходимо обеспечить ту внутривнутрипартийную демократию, о которой так много думал в последние годы жизни Ленин. Это возможно при условии восстановления в правах принципа фракционности - свободы образования фракций и политических платформ. Только при наличии внутренней межфракционной дискуссии станет реальной претензия на создание какой бы то ни было идеологии. Кроме того, это даст возможность привлечь в партию интеллектуалов вместо работающих по подряду политтехнологов. Партийные съезды и конференции должны быть столь же регулярными, как депутатские сессии. На обсуждение должны выноситься все реальные политические и экономические вопросы. Резолюции партийных органов должны иметь обязательную силу для членов партии. Политическое и организационное руководство партией должны быть разделены.

Эти задачи выглядят революционными в отношении той стабильно стагнирующей политической системы, которая установилась в России с 1991 г. Но это "возвратная революция". Она необходима, поскольку необходим толчок, чтобы вставить на место тот политический позвонок, который выскочил 15 лет назад. Тогда революцией была прервана естественная логика эволюции политической системы советского общества, теперь революцией же ее необходимо восстановить.

Последний виток

Россия созрела для новой революции, но не для контрреволюции. Возврат в советскую империю, как, впрочем, и в российскую, и невозможен, и бесполезен. Развитие советского общества зашло в тупик уже к началу 80-х гг. XX в. Воссоздание советского строя будет автоматически означать воссоздание этого тупика. Поэтому те, кто хочет

отбросить последние 20 лет русской посткоммунистической истории как время сплошных ошибок и разочарований, ничуть не лучше тех, кто хочет отбросить предшествующие им 70 лет коммунистической истории. Эти 20 лет уже оставили неизгладимый след и внесли свой вклад в русскую историю. Это ее последний виток.

На данном витке мы ушли в сторону от намеченной ранее линии нашего культурного, социально-экономического и политического развития. Общество слишком резко прыгнуло вперед через неожиданно разверзнувшуюся под ногами бездну и сорвалось вниз. Сейчас необходимо сделать один шаг назад на ту историческую развилку, где произошел разрыв, чтобы потом сделать два спокойных и уверенных шага вперед по узкому мосту исторических возможностей.

Двигаясь по этому мосту, Россия должна осторожно и внимательно смотреть в сторону Запада. Осторожно, потому что вызов, брошенный России, пришел с Запада; кризис, в котором оказалась Россия, возник на Западе; ржавчина, которая разъедает русскую культуру, родилась на Западе. Внимательно, потому что именно на Западе Россия может найти средства борьбы с этим вызовом, с этим кризисом и с этой ржавчиной. Запад силен своей великой культурной традицией, своей элитой, религиозными корнями, чувством социальной ответственности и долга, глубочайшей самодисциплиной. Запад не сломился, он просто еще не осознал до конца опасности. Но, когда осознает, даст ей бой. В этом бою Россия будет на одной стороне с лучшими и здоровыми его силами. Беда в том, что Россия может не продержаться до того момента, когда Запад проснется и примет этот бой. Сейчас время решает все.

Призрак революции бродит по России. Он пугает тех, кто свил себе уютные гнезда на краю пропасти. Он стучит в ворота Кремля, пугая птенцов, вылупившихся из этих уютных гнезд. Предоставленная сама себе, ведомая логикой социальной стихии ("массовая" культура, "свободный" рынок, "либеральная" демократия и тому подобное), Россия обречена на расчленение и последующее поглощение соседними цивилизациями¹⁶.

Убаюкивающая философия *преимуществ эволюционного пути* опасна, она ведет к катастрофе. Только революция - культурная, экономическая и политическая, только общенародное сверхусилие могут прервать инерцию падения, дать толчок к национальному возрождению.

¹⁶ Если представить худшее - что Россия не сможет защитить свою культурную и государственную самостоятельность, то поглощение Китаем в любом случае представляется меньшим злом, чем поглощение Западом. Китай нависает над нами физически, а Запад духовно. Западу мы не нужны со своей индивидуальностью, там нас ждут только как ресурс. Для Китая мы сами Запад. Его более толерантная культура не растворит нас в себе без остатка, а создаст с нами симбиоз, подобный тому, который был создан 500 лет назад нашими славянскими и татарскими предками.